

© 2006 г. А. В. МАЛОВ*

КОННИЦА НОВОГО СТРОЯ В РУССКОЙ АРМИИ в 1630–1680-е годы

В настоящем сообщении речь пойдет о коннице XVII в., которая являлась ударной силой русской армии вплоть до появления в начале XX в. боевой техники. В XVII в. она была двух основных типов, различающихся организацией, формами подготовки и обучения, материальным обеспечением, вооружением и тактикой. Первый тип – конница старой сотенной организации (старого строя) – был представлен в армии поместной конницей, служилыми иноземцами, казаками, служилыми новокрещенами, мурзами и татарами. Каждая из названных категорий в свою очередь делилась на большее или меньшее количество сословно-служилых групп. Второй тип (рэйтари, гусары и копейщики) получил в науке обозначение конницы нового, или иноземного, строя.

Драгун историки также часто причисляют к коннице, перенося тем самым реалии петровских войск на армию предшествующей эпохи¹. Наличие у драгун лошадей и конского хозяйства привело в начале XVII в. автора наиболее популярных в Европе воинских уставов И. Я. фон Валльгаузена к мысли рассмотреть их как род войск не в пехотном уставе, а в уставе конной службы², где драгуны изображены в виде посаженных на коней мушкетеров и пиккеров. Но в европейских источниках того времени ни разу не встретилось упоминания о драгунах-пикнерах, что наглядно иллюстрирует оторванность военной теории автора устава от военной практики XVII в. также в России XVII в. неизвестны случаи, когда драгуны сражались бы в конном строю. Так, Московские выборные полки солдатского строя в конце 1650-х–1660-х гг. неоднократно посыпались в поход «драгунским строем», но ни разу не сражались верхом³. Не случайно и зафиксированное в документах по формированию в 1633 г. первого в России полка драгунского строя полковника Александра Гордона наименование драгун «рядовыми драгунскими солдатами»⁴. В России рассматриваемого периода обучались действиям в конном и пешем строю рейтари. Драгуны же, называвшиеся еще и «конными салдатами», верхом лишь совершили стремительные марш-броски для занятия стратегически или тактически важных позиций. Они могли так же, как и их французские коллеги, участвовать в карательных операциях и набегах в ходе борьбы с повстанцами или в перипетиях так называемой «малой войны»⁵.

Первые серьезные работы по военной истории России XVII в. появились в конце XIX – первой четверти XX в.⁶ В частности, в книге Е. Д. Сташевского была исследована первая в России конница нового строя – рейтарский полк Ш. С. де Эберта. Однако в советский период вплоть до второй половины 1940-х гг. работ по истории вооруженных сил допетровской России практически не выходило. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в этой области был совершен настоящий прорыв, связанный с защитой диссертационных исследований и публикаций А. В. Чернова⁷, а также С. Л. Марголина, В. А. Александрова, М. Д. Рабиновича⁸. Докторская диссертация Чернова стала настоящей энциклопедией по истории русского войска XVII столетия и по сей день является наиболее полным обзором исторических сведений о коннице нового строя⁹, хотя и в ней есть отдельные неточности и ошибки. Дальнейшим шагом в изучении конницы нового строя стала диссертация О. А. Курбатова, посвященная истории конницы Новгородского разряда в 1650–1660-е гг.¹⁰

К сожалению, до сих пор можно встретить случаи, когда реалии XVII в. подменяются экспополяцией схем, терминов и структур русской императорской армии XVIII или даже XIX в. Так, например, гусарами применительно к XVII в. порой называют не тяжелую, одетую в броню, а легкую конницу и не видят разницы между рейтарами и солдатами¹¹. До сих пор не утихают и споры о времени появления и статусе регулярной армии в России¹². Сразу же отметим,

что в данной работе под термином регулярная армия понимается существующая в государстве система комплектования войск, которая позволяет в относительно короткий срок сформировать и подготовить боеспособную армию необходимой численности. Основными ее критериями являются: отход от сословного принципа комплектования: наличие централизованных органов управления; система подготовки рядового и командного состава; относительно четкая и устойчивая организационно-штатная структура военных формирований; нормативно-правовая система, регламентирующая существование армии в военное и мирное время; полное государственное обеспечение; определенная унификация вооружения и снаряжения войск; постоянный характер службы.

Появление в России конницы нового строя относится ко времени Смоленской войны 1632–1634 гг. Начиная с этого времени, представление о профессиональном воине в России перестало совпадать с принадлежностью к той или иной сословной группе. Именно тогда «в России зародилось и стало развиваться регулярное войско»¹³. В Европе наняли несколько полков профессиональной европейской пехоты, а также пригласили на русскую службу большое количество иноземных начальных людей для обучения русских солдат. Формирование первого в России рейтарского полка началось в ходе войны, когда главная русская армия М. Б. Шеина уже выступила из Москвы к Смоленску. Тогда в русском войске впервые появились гусары по образцу элитной кавалерии Речи Посполитой. После окончания неудачной для России войны полки были распущены, а наемные иноземцы высланы из страны. Однако солдаты, драгуны и рейтари, прошедшие обучение в полках иноземного строя, учитывались Иноземским приказом и проходили ежегодную сезонную службу на южных рубежах России.

Царь Алексей Михайлович, взойдя на престол в возрасте 16 лет, первое время не принимал активного участия в управлении государством. Все изменило восстание начала июня 1648 г. в Москве, направленное, прежде всего, против лиц царского окружения. После этого повзрослевший государь взял бразды правления в свои руки, что стало особенно заметно в военной сфере. Используя опыт создания полков иноземного строя во времена царствования своего отца, а также существовавших в составе вооруженных сил России к концу 1640-х гг. ратных людей нового строя, Алексей Михайлович кардинально реформировал армию. В 1648–1654 гг. главной составляющей военных преобразований стало массовое создание полков иноземного строя – рейтарских, солдатских и драгунских, составивших костяк новой армии.

Упорный отказ царя от признания легитимности республиканских правительств Англии сделал Россию прибежищем для многих английских роялистов, в большинстве своем военных профессионалов¹⁴.

Присутствие иностранцев на военной службе встречается во все времена. В XVII же столетии в Европе продолжалась настоящая эпоха наемных армий. Вооруженные силы большинства государств целиком, либо частично, состояли из наемников разных национальностей. Даже страны, обладающие постоянными войсками, в условиях войны не могли обойтись без наемников. Не стала исключением и Россия, где наемные иностранцы играли роль военных инструкторов и составляли значительную часть командного звена. Иноземцы всегда присутствовали в составе вооруженных сил Московского государства, однако, начиная с подготовки в конце 1620-х гг. к войне за возвращение Смоленска их количество многократно возросло. Помимо обычных служилых иноземцев, выехавших в Россию «на Государево имя на вечную службу», в России служило множество иностранных офицеров, приехавших по найму «на время», причем их роль в формировании войск нового строя трудно переоценить.

В 1647 г. в Россию приехал голландец, майор рейтарского строя Исаак Фан-Буковен (Ван Бокховен) с сыном Филиппиосом Альбертусом и затем Францем Сугеи¹⁵. В июле-августе 1650 г. уже в чине полковника Исаак Фан-Буковен привез из Архангельского порта в Москву свое имущество на пяти выделенных ему по распоряжению правительства подводах¹⁶. Его семейство осталось в России на вечную службу. Филиппиос Альбертус, пройдя через польский плен, вернулся в Россию, дослужился до генеральского чина и незадолго до смерти Алексея Михайловича принял православие. И. Фан-Буковен, имевший за плечами школу лучших европейских армий, быстро завоевал признание в Москве и вместе с другими полковниками «свидетельствовал» профессиональный уровень принимаемых на службу иноземных офицеров. По своим теоретическим знаниям и практическим навыкам он ярко выделялся даже на фоне русских полковников из иноземцев «старого выезда»: «а полковник Исаак Фан-Буковен тои Давыдове роте Дромонта и иным рейтарским ротам своего полку в ученье и к стрельбе оказывал в многие стати, чево... и не видали»¹⁷. Он также разрабатывал своеобразные тесты для Иноземского и Рейтарского приказов по проверке профессиональных навыков начальных людей, урядников и рядовых.

* Малов Александр Витальевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН.

В столице инициативному голландцу поручили подготовку для полков нового строя русских командных кадров в составе учебного 2000-го рейтарского полка. Дворян и детей боярских, прошедших под руководством Фан-Буковена обучение конному и пешему строю¹⁸, разослали по формируемым рейтарским, драгунским и солдатским полкам в чины начальных людей для подготовки рядового состава¹⁹.

Вновь сформированные в ходе подготовки к войне с Речью Посполитой (1654–1667 гг.) полки нового строя стали ядром вооруженных сил России. Литовский агент 15 мая 1654 г. наблюдал блестящий церемониал выступления царских войск в поход на Смоленск: «Несомненно, что этот поход открыл Москве глаза и показал ей, до какой степени она могущественна... московскую молодежь более 10 лет обучали иностранные непоследние офицеры. Теперь-то, конечно, польские паны узнают ..., каким неприятелем так пренебрегали»²⁰. В память победоносного похода Алексея Михайловича на польского короля 1654 г. была изготовлена официальная книга «в лицах» с изображением всех полковых знамен, расписанная казенными иконописцами и живописцами, к сожалению не сохранившаяся до наших дней.

Во многом благодаря именно новой армии были сокрушены войска польского короля и заняты значительные западнорусские территории. В ходе начавшейся русско-шведской (Первой Северной) войны новая русская армия выиграла кампанию в Прибалтике, захватив значительную часть шведских владений в Ливонии, которые Швеция по Валиесарскому перемирию (1658 г.) оставила за Россией. Когда русско-шведская война была остановлена, военные действия на польском фронте возобновились.

На конец 1650-х – начало 1660-х гг. приходится второй этап преобразований Алексея Михайловича, связанный с тяжелым политическим, финансово-экономическим, военным положением, в котором оказалась Россия в результате политических просчетов правительства, тягот войны и опустошения страны эпидемией чумы. Царь увеличил число полков нового строя и стрелецких приказов, а также перевел большую часть старой конницы сотенной службы, основу которой составляли помещики, в рейтары, гусары и копейщики. В то же время приказ Тайных дел на протяжении нескольких лет предпринимал попытки нанимать в Европе не только отдельных начальных людей, но и целые полки, в частности, несколько полных рейтарских полков²¹. Однако в результате аферы с медными деньгами царю не удалось реализовать ни один из проектов найма в Голландии, Англии и Германии целых полков и «генеральств» (дивизий).

После ряда тяжелых поражений, подписания Кардисского мира со Швецией и отказа от всех завоеваний в Прибалтике, утраты, казалось бы, присоединенного Великого княжества Литовского, в условиях роста антироссийских настроений на Украине, финансового банкротства страны на международной арене и «Медного бунта» в Москве перед Алексеем Михайловичем с середины – второй половины 1660-х гг. стала задача скорейшего завершения войны с Речью Посполитой и закрепления за Россией, по возможности, всех земель, еще удерживаемых русскими войсками и сохранившим верность казачеством в Белоруссии, Литве и на Украине. Война перешла в вялотекущую fazu: обе стороны, не имея сил для решительного разгрома противника, старались измотать, обескровить и разорить друг друга. В этих случаях стратегическое значение приобрела задача удешевления содержания армии. Особенно важно это было для России, степные окраины которой страдали от сезонных набегов подданных крымского хана, поддерживавшего антироссийскую казачью старшину, а иногда и самого польского короля. В силу названных обстоятельств из состава рейтарских полков были введены все неверстанные (непомещики), а оставшиеся распущены по домам подобно поместной коннице до востребованности их на войне. Значительную часть дорогостоящих иностранных наемных офицеров выслали из страны. Однако немало наемных иноземцев, не желая уезжать, остались в России «на Государево имя – на вечную службу» или даже перешли в православие. Всех их поверили поместными окладами, уменьшив тем самым расходы казны на содержание офицерского корпуса.

В действиях правительства Алексея Михайловича можно усмотреть как попытку реализации макиавеллиевского проекта милиционной армии, так и стремление опереться на опыт организации страдиотской системы (фемного строя) вооруженных сил Византии. При всей гипотетичности влияния на московскую элиту византийской военно-теоретической мысли, опыт византийской военной системы, изложенный в византийских военных трактатах, мог быть вос требован в Московском государстве²². Византийские военные теоретики предлагали воспользоваться опытом «милитаризации общественно-политических структур», а в противовес идеологии джихада выдвинули концепцию «христолюбивого воинства»²³. Во всех описанных случаях речь шла о приспособлении фемной, милиционной по своему типу, организации вооруженных

сил Византии к реалиям новой эпохи – к столкновению с воинственным и агрессивным арабо-мусульманским сообществом, прочно спаянным религиозной дисциплиной для завоевания всего неисламского мира. В контексте ставшего к концу столетия традиционным интереса русского правительства к военно-теоретическому наследию Византии следует воспринимать специальный заказ Петром I в Голландии издания на русском языке известного византийского военного трактата императора Льва VI Мудрого²⁴. Стоит отметить, что сочинение Льва Исаева имело хождение в Московии уже во второй половине XVI в., о чем свидетельствует духовная Ивана Головы Федоровича Соловцова 1594/95 г., в которой он упоминает некое «греческие письмо Льва царя Премудрого»²⁵. В.В. Кучма обратил внимание и на явные следы влияния тактики императора Льва на артикул воинский, вошедший в первый общевоинский устав 1716 г.²⁶

Начиная со второй половины 1660-х гг. основная часть войск нового строя стала сближаться с ратными людьми поместно-приборной системы организации вооруженной силы. В результате этих мероприятий удалось, сохранив значительное количество ратных людей и обеспечив хорошие мобилизационные возможности армии, резко снизить расходы на продолжающуюся войну. После подписания в 1661 г. Кардисского мира со Швецией, обладавшей первоклассной армией, никто из противников, с которыми русским ратным людям довелось сражаться в 1661–1675 гг., не обладал более современными, эффективными и профессиональными вооруженными силами, чем войска нового строя и московские стрельцы Алексея Михайловича. Против даже такой, «удешевленной» армии, с которой русский царь завершил в 1667 г. войну с Речью Посполитой, оказались бессильны и орды крымского хана, и казачьи полки турецких гетманов Украины, и повстанческая армия Степана Разина.

В 1650–1690-х гг. линейную конницу русской армии, наряду с гусарами и копейщиками, составляли рейтары. В Европе XVI–XVII вв. они представляли собой регулярно организованную и обученную конницу, действующую на поле боя, главным образом, огнестрельным оружием против более или менее плотных построений противника. При столкновениях с сильной конницей государств и народов Восточной Европы функциональное предназначение рейтар состояло в том, чтобы, сохранив строй и порядок, рассеять и отбросить противника залповым огнем, с чем рейтарская конница с успехом иправлялась. Именно эти качества регулярной европейской конницы подчеркнул датский резидент Магнус Гей на воинском смотре в Кремле в декабре 1673 г., при вступлении в первую русско-турецкую войну 1672–1681 гг.: «А цесарской де рейтаре стройной и ученой никогда турское и татарское великое несметное собрание не розрывает, и везде они стоят против их мужественно»²⁷.

Во второй половине XVI в. в Европе рейтарская кавалерия, организованная зачастую по образцу прославившихся немецких «черных рейтар», или ее местные вариации: (кирасиры, конные аркебузиры, пистольеры), – почти повсеместно стала господствующим видом конницы²⁸. С «рейтарским строем» русские познакомились несколько раньше формирования в России рейтарских полков. По всей видимости, если довериться сообщению Д. Горселя, это касается уже 85 плененных шотландцев, принятых вместе с пленными шведами, поляками и ливонцами на русскую службу Иваном Грозным. В 1680 г. престарелый иноземец полковник Василий Шварт в своей челобитной упомянул о службе Ивану Грозному «и иным прежним государем» своего деда Анца Швarta, который, возможно, происходил из числа пленных ливонских немцев. При явно преувеличенном количестве иноземцев (12 сотен) – сам этот факт выглядит вполне правдоподобно. Бывших пленников во главе с Джими Лингетом отправили на степную «украину» нести конную службу с пищалями, пистолетами и «мечами»²⁹.

Большой отряд иноземцев служил и в царствование Бориса Годунова. В 1614 г. на русскую службу перешел наемный гарнизон крепости Белая из 130 шотландцев и ирландцев. На русской службе иноземцы были разделены на 2 роты – «скотскую» и «ирландскую», позже объединенных в единую роту «бельских немцев» и сражались в конном строю с огнестрельным оружием, судя по всему, рейтарским строем. На это указывает и чиновая структура роты бельских немцев ротмистра Томаса Герна, находящейся с 1617/18 г. на службе в Казани. В ее составе в 1627/28 г. упоминается поручик Яков Гамолтов, «знаменщик» (прапорщик) новокрещен Борис Бернтов и «набатчик» (литаврщик) испомещенный по Владимиру новокрещен Франц Сеуль³⁰. С образованием первого в России рейтарского полка последние еще остававшиеся на русской службе бельские немцы вошли в его состав в качестве начальных людей. Например, в полк был переведен родоначальник русского рода Лермонтовых иноземец старого выезду, испомещенный на Галиче, поручик Юрий Лерман³¹.

Первый в России рейтарский полк сформировался под командованием французского гугенота Шарля Самуила де Эберта (Делиберта). 10 июня 1632 г. царь указал «старого и нового выезду немец строить в конную службу по-рейтарски, как в немецких государствах ведетца, а к

немцам в прибавку писати руских охочих всяких служилых людей», а 13 числа царским указом подполковник Ш.С. де Эберт был произведен в полковники и командир рейтарского полка³².

Рейтарский полк, численностью в 2 тыс. нижних чинов, по представленному де Эбертом проекту, должен был иметь в своем штате полковника, подполковника, майора, 9 ротмистров, 12 поручиков, 12 прaporщиков, 12 ротных квартирмейстеров, 36 бригадиров, 24 подпрaporщика и 12 рот рейтар по 167 рядовых в каждой, а также полкового квартирмейстера, «ваганмейстера» – полкового обозника, полкового судью, полкового писаря, полкового лекаря с товарищами, 4 полковых и 11 ротных трубачей, полкового профоса с товарищами, полкового седельного мастера и кузнеца³³. Уже в ходе формирования структура полка дополнилась подмайором или «ожидантом» Петром Клилянтом, смененным вскоре Азмусом Лескеном³⁴. В первый рейтарский полк уже в процессе его формирования в сентябре 1632 г. добавилась драгунская рота для сопровождения и огневой поддержки рейтар³⁵, а общая численность полка увеличилась до 2 400 человек и 14 ротах³⁶. В июне 1633 г. к полку прикомандировали из Стрелецкого приказа двух самопальщих мастеров, двух «станочников» и 6 кузнецов-подковщиков, а из Оружейного – двух замочных мастеров³⁷. Наличие в рейтарских полках драгунских, а еще позже – гусарских и (или) копейных рот стало обычной практикой в русской армии XVII в. Например, в 1662 г. в смоленской группировке войск из 7 рейтарских полков в 4 имелись драгунские шквадроны* и роты³⁸.

Опыт организации и существования первых рейтарских полков де Эберта и Фан-Буковена в 2 тыс. человек в последующие годы привел к уменьшению штатной численности рейтарских полков и к установлению их определенного стандарта в 1 тыс. человек. Из множества примеров (при отсутствии специальной работы по данному вопросу) укажу некоторые случаи организации и существования именно тысячных драгунских полков. Так, летом 1660 г. кн. Г.Г. Ромодановскому было указано пополнить рейтарские полки своего Белгородского разрядного полка до 1 000 рейтар³⁹. Осенью того же года по запросу Ромодановского в два новоприборных рейтарских полка рейтарам было прислано 2 тыс. карабинов и 2 тыс. пар пистолей⁴⁰.

Штатное расписание тысячного полка включало полковника, подполковника, майора, 7 ротмистров, капитана-поручика и 9–10 поручиков, 10 прaporщиков, а также полковых урядников – квартирмейстера, адъютанта и обозничего. Рейтары были расписаны в 10 рот. Полк дополнялся несколькими драгунскими ротами. Так, в 1663 г. в Смоленске тысячиные рейтарские полки полковников Рычерта Полмера и Христофора Мингауса имели по две драгунских роты в составе двух капитанов, двух поручиков, двух прaporщиков и 200 драгун. Однако штаты (как и во всех европейских армиях того времени), как правило, не выдерживались, и вакансии имелись не только на штатные единицы рядовых рейтар, но и на места начальных людей, как было и в упомянутой уже смоленской войсковой группировке⁴¹. По окончании Смоленской войны рейтарский полк де Эберта был распущен, но все служилые люди, прошедшие обучение рейтарскому строю, учитывались и ведались Иноземским приказом, проходили ежегодные смотры и привлекались к сезонной службе по охране и обороне южной «украины».

Новый этап в истории рейтар в России начался с подготовкой страны и армии к войне с Речью Посполитой за Смоленск, Украину и Великое княжество Литовское 1654–1667 гг., дополненной русско-шведской войной 1656–1658 гг. Общеевропейская тактика русских рейтар и преимущества этого рода конницы перед старой поместно-казачьей ярко проявились в сражении под Валком в июне 1657 г., когда шведы (около 2 700 человек) разбили Псковский полк стольника и воеводы М.В. Шереметева (2 193 человек)⁴². Шведские рейтары встретили русскую конницу в строю: «А немецкие, государь, люди на нас, холопей твоих, не напускали ж, а стояли против нас в справе». Отбив атаку русской поместной конницы, шведы сами пошли в наступление. Натолкнувшись же на русских рейтар, «немецкие люди рейтары напуск учинили на твоих государевых ратных людей на рейтар же, и почали промеж собою стрелять»⁴³. Не выдержав плотного залпового огня дисциплинированных рейтарских рот, поместная конница бежала с поля боя, бросив воеводу, своих командиров и знаменосцев, после чего шведы смогли всей силой обрушиться на оставшихся русских рейтар, одержав заслуженную победу. За время русско-польской и русско-шведской войн и командирование русских войск и правительство России имели возможность не раз убедиться, что рейтары «на бою крепче сотенных людей».

* Шквадрана – организационное и тактическое подразделение, занимающее промежуточное положение между полком и ротой, обычно в составе от 3 до 5 рот (чаще всего 5). Как правило, возглавлялось подполковником или майором, в некоторых случаях – ротмистром (в коннице). В составе русских войск XVII в. встречаются отдельные шквадроны, шквадроны в составе полков, а также временные сводные шквадроны. Являлась аналогом и предшественником позднейших батальонов.

После окончания русско-польской войны рейтарские полки были распущены, но сами рейтары оставались в ведении Иноземского и Рейтарского приказов. В 1670–1700-е гг. при необходимости из рейтар формировались временные полки во главе с иноземными и русскими начальными людьми, но определенное количество полков пребывало на территории разрядов – военно-территориальных округов – постоянно. Последний рейтарский полк майора Ивана Поздеева, с начала XVIII в. находившийся на гарнизонной службе в Киеве, был расформирован в 1719 г.⁴⁴, но и после этого забытый властью рейтарский шквадрон, укомплектованный рославльской шляхтой, нес службу до царствования Екатерины Великой⁴⁵.

Рейтарский полк де Эберта укомплектовали дворянами и детьми боярскими, служилыми иноземцами, служилыми мурзами и татарами и новокрещенами⁴⁶. С середины XVII в. правительство следило, чтобы в рейтары не попадали, с одной стороны, «добропоместные» служилые землевладельцы, а с другой – стрелецкие и пушкарские дети и представители неслужилых сословных групп русского общества. В разгар войны с Речью Посполитой рейтарские полки помимо жильцов, дворян и детей боярских, служилых татар и новокрещен комплектовались казачими детьми, казаками и даже даточными людьми из монастырских слуг. К концу войны в рейтарах остались представители низших, наиболее бедных слоев служилых «по отечеству» и некоторые группы казаков. Причем жалованье по рейтарскому окладу получали все вне зависимости от социального происхождения, что радикально отличается от практики выплаты жалованья поместной и казачьей коннице сотенной службы. Подобную практику наглядно илюстрирует дело по челобитью записанных в рейтары луцких казаков 1664 г., которым пытались выплачивать не рейтарское, а казачье жалованье. Недовольные казаки рейтарского строя подали коллективную челобитную, которую правительство удовлетворило⁴⁷.

В конце 1660 – начале 1670-х гг. рейтары стали сословно-служилой группой, занимающей определенное социальное положение в структуре «служилого города». Превращение рейтар как и ратных людей других новых строев в сословно-служилые группы отразило внесение гусар, копейщиков и рейтар в десятни⁴⁸. Начальные люди рейтарского строя, оставшиеся «за полками», учитывались преимущественно в Рейтарском приказе⁴⁹. Превращение рейтар в сословно-служилую группу тесно связано с разорением и разложением организации «служилого города». В последней трети XVII в. рейтары заняли промежуточное положение между служилыми по отечеству и служилыми по прибору. В первой четверти XVIII в. с упразднением рейтарских полков и конницы часть рейтар вошла в состав дворянства, а часть переведена в категорию однодворцев.

Вооружение рейтар первоначально состояло из карабина со скобой на плечевой портупее с крюком и лядункой, пары пистолетов в седельных кобурах – ольстраках, шпаги и рейтарских лат. Рейтарские латы в XVII в. комплектовались кирасой и шлемом – «шишаком» с «полкой» (козырьком), «стрелкой» (защита переносицы) и назатыльником. В первой половине XVII в. в комплект рейтарских лат входили налядвенники, наплечники и наручи, в процессе ущешевления рейтарских лат вышедшие из употребления. Русское правительство обеспечивало рейтар всей «рейтарской службой». При этом латы выдавались им из казны бесплатно, на коней давались деньги⁵⁰, а карабины, пистолеты и шпаги продавались им из казны по себестоимости или даже за половину цены⁵¹.

В ходе русско-польской войны рейтары вместо шпаг стали вооружаться более подходящими для восточноевропейского театра военных действий саблями, а с 1670-х гг. с записью рейтар в десятни вопрос о вооружении их клиновым оружием был оставлен на усмотрение самих рейтар и отнесен к сфере самообеспечения. Уже ко второй половине 1660-х гг. минимально необходимая «рейтарская служба» свелась к обеспечению их названным огнестрельным оружием с боеприпасами и деньгами для покупки лошадей⁵². В период первой русско-турецкой войны 1672–1681 гг. во втором Чигиринском походе 1679 г. и в Киевском походе 1680 г. в рейтарские полки было указано выдать все имевшиеся в «цейхгаузах» Киева и Переяславля кавалерийские латы и шишаки – «конного строя збрюю», но систематического обеспечения рейтарской конницы доспехами уже не существовало⁵³.

Рейтарские знамена, как правило, представляли собой квадрат одноцветной шелковой ткани (тафты или камки) размером значительно меньше не только солдатских, но и драгунских знамен. Они несли на своих полотнищах лишь обязательные «признаки» – кресты и звезды⁵⁴. Полотнища обшивались с трех сторон шелковой бахромой, а в обязательный комплект к знамени входили шелковые же шнурьи («снурьи») с кистями. Для ношения на перевязи в конном строю «наряженные» рейтарские знамена выдавались «с погоны и с кольцы». Изображенный на рисунке «образец» рейтарского знамени 1665 г. показывает квадратное полотнище со сторонами в 12 вершков⁵⁵. Вместе со знаменами в рейтарские полки из той же материи изготав-

ливали «завесы к трубам», а с ними и шелковые «снуры» с кистями. На «трубных завесах», подобно знаменам, изображались указывающие номер роты звезды, полотнища завесов обшивались бахромой. В тех случаях, когда рейтарский полк, помимо непременных трубачей имел литаврщика, на литавры также шились завесы⁵⁶. По образцу рейтарских, по всей видимости, «строились» и знамена гусарских и копейных рот, шквадрон и полков.

Гусары в России в 1634–1680-е гг. представляли собой тяжелую конницу нового строя, сформированную по образцу элитной конницы Речи Посполитой⁵⁷, где гусарские хоругви являлись главной ударной силой польско-литовских войск. На протяжении указанного периода гусарские части неоднократно расформировывались и формировались вновь. Впервые в России гусары, как и рейтары, появились в ходе Смоленской войны в виде гусарской шквадроны ротмистра Христофора Рыльского преимущественно из служилых иноземцев.

Еще в книге Иноземского приказа за 1632/33 г. ротмистр Христофор Рыльский упоминается в качестве командира роты служилых иноземцев – поляков, литвы и черкас⁵⁸. Зимой 1631/32 гг. для предстоящей службы Рыльский организовал изготовление за казенный счет особой обозной телеги⁵⁹. Казна выплатила 5 руб. на «обозную телешку, что бывает годна к бою с пищалюю стрелбою, на колеса и на дело на завод», а 18 марта по его расписи к той же «обозной телешке на отделку» выплатили еще 6 руб. 10 алт. 5 ден. Всего боевая обозная телега обошлась казне в 11 руб. 10 алт. 5 ден⁶⁰. В том же году рота Рыльского на «Тульской службе» принимала участие в отражении прорвавшихся крымских татар, где послужной список отметил ротмистра: «былся явственно, убил татарина, а под ним ранили коня». За Тульскую службу 1632/33 г. Рыльский получил придачу к его поместному окладу – 150 четвертей, к денежному – 20 руб.⁶¹.

Царским указом от 7 января 1634 г. ротмистр служилых иноземцев Рыльский назначался ротмистром «у гусарского да у рейтарского строю» с поместным окладом за прежние службы 9 марта того же года в 700 четвертей земли и 50 руб. денег⁶². К февралю в гусарскую роту в поручики был написан поручик Адам Комаровский, а 1 мая его сменил прапорщик Миколай Волковицкий⁶³. На освободившееся место гусарского прапорщика был переведен Иван Шелпогинский, служивший прапорщиком в иноземческой роте Юрия Кулаковского⁶⁴. К февралю же в поручики рейтарской роты Рыльского был написан поручик Матвей Светицкий из той же роты Ю. Кулаковского⁶⁵. Помимо рядовых товарищей, среди гусар шквадроны назван литаврщик Миколай Богурской⁶⁶. К маю в трех ротах Рыльского состояли 3 поручика, 3 прапорщика, «полковой стражник», «полковой окольничий» (полковой квартирмейстер), обозник, «над ружьем дозорщик» (каптенармус шквадроны), сурначей (драгунской роты), литаврщик (рейтарской роты), профос, 6 трубачей (в гусарскую и рейтарскую роты), 2 кузнеца и 2 «набатчика» (барабанщики драгунской роты)⁶⁷. Однако 5 труб трубачам в эти 2 роты были куплены лишь в первых числах июля 1634 г.⁶⁸. В 1634 г., когда формирование трех рот было завершено, шквадрона Рыльского выступила в Можайск для прикрытия главного направления удара на столицу⁶⁹. В июле–августе 1635 г. ее направили в Тулу на службу против крымских татар⁷⁰.

Гусарская шквадрона несла службу и в следующем 1635/36 г.⁷¹, но вскоре, вероятно, была распущена. В ходе подготовки к войне с Речью Посполитой к 1650 г. на ее базе был создан гусарский полк полковника Рыльского, принявший участие в походе Алексея Михайловича на Смоленск в 1654 г. Об участии царя в этом походе в 1682 г. упоминал в своей челобитной Нифед Морев, служивший тогда в гусарах и произведенный за Смоленский поход в солдатские прапорщики, а следом – в поручики⁷². Возможно, гусары Рыльского не оправдали ожиданий правительства, поэтому к началу русско-шведской войны 1656–1661 гг. этот полк в составе русских войск уже не упоминается. «Гусарский строй» был возрожден в 1660 г. воеводой князем И.А. Хованским в составе войск Новгородского разрядного полка из лучших рейтар Новгородского разряда⁷³. В Смете 1661 г. упоминается гусарский полк подполковника М. Карапулова⁷⁴.

Гусары должны были обладать высококачественным конским парком, имели латы восточноевропейского типа с наручиами и шлемами (шишаками). Гусарские латы и отчасти шишаки отличались от западноевропейских и обязательно дополнялись незаменимыми при преобладании сабельного боя наручиами. Отличие гусарских лат от рейтарских хорошо видно из переписки воеводы Новгородского полка кн. Хованского с Разрядом летом 1661 г., который вынужден был за отсутствием гусарских лат выдать 91 гусару латы рейтарские «по нужде на время, покамест по твоему указу присланы будут ко мне гусарская латы», о чем отписал в Разряд, требуя прислать для замены как можно скорее гусарские латы с наручиами и шишаками: «А гусарские латы и шишаки ко мне в полк июля по 7 число не бывали, а гусаром без лат и шишаков и

без наручин отнюдь нельзя быть»⁷⁵. Среди историков распространено также заблуждение о «более легких латах и наручах» гусар. Высказанная впервые, вероятно, А.В. Черновым, догадка с тех пор почти дословно у него переписывается, хотя основным источником ее происхождения является упоминанное выше представление о гусарах как легкой коннице.

Главное оружие гусара состояло из особого гусарского копья, изготовленного по специальной технологии, полого внутри и наиболее длинного из всего древкового оружия, применявшегося в эпоху XVII в. на полях сражений. Гусарские древка имели «яблоко» в месте хвата и длинный раздвоенный «гусарский прапорец». Длина гусарских копеек могла достигать 6 м. «Гусарские копейца», принятые некоторыми историками за «более легкое и короткое», нежели у копейщиков, оружие, оказались самым длинным древковым оружием Европы, которым гусары наносили практически неотразимый удар по боевым порядкам противника. Гусары были также вооружены саблями, парой пистолетов в ольстраках и кончаром. Нельзя исключать, что по примеру своих польско-литовских «коллег» русские гусары при седле имели по второму образцу клинового рубящего оружия – саблю или палаш.

Гусары успешно применялись для прорыва фронта противника, сражающегося в более или менее плотном строю: против его линейной и тяжелой конницы и не защищенной инженерными заграждениями пехоты. Но против легкой восточноевропейской и азиатской конницы они оказывались беспомощны, как, впрочем, и любая регулярная европейская кавалерия XVII в. Секретарь известного польского магната и полководца Ежи Любомирского, в 1660 г. заставившего В.Б. Шерemetева капитулировать под Чудновым, итальянец Стефан Цефалли, описывая военную организацию Речи Посполитой, сообщает: «Гусарские хоругви были почти отставлены в войнах с казаками и татарами, так как мало были пригодны в столкновениях с неприятелем, незнакомым с регулярным военным искусством. Но когда началась война со шведами и Москвой, они вновь приобрели прежнее значение»⁷⁶.

Начиная с первой гусарской шквадроны Рыльского 1634 г. гусары дополнялись для огневой поддержки в конном бою рейтарами, а для огневого прикрытия – драгунами. Совершенствование на протяжении XVII в. огнестрельного оружия, приведшее к существенному увеличению скорострельности и плотности огня пехоты, и использование ею переносных инженерных заграждений сильно сузило спектр применения тяжелой ударной гусарской конницы, что сделало ее упразднение в ходе Петровских реформ практически безболезненным для армии. В свою очередь, при Петре I появилась гусарская конница совершенно иного, легкого типа (по образцу венгерских гусар), сформированная из представителей балканских и придунайских народов. По своей организации и вооружению новые гусары в большей степени напоминали панцерные казачьи хоругви Речи Посполитой. Эти легкие гусары могли иметь доспехи восточного типа или даже гусарские корацены, вооружались саблями и оружием дистанционного боя – огнестрельным или даже саадаками. На фоне роста регулярности в организации армии данные гусары были скорее частями иррегулярной конницы.

Третьим видом конницы нового строя в 1658–1680-х гг. являлись копейщики, которых иногда путают с пикинерами. Причина такой путаницы заключена в первом печатном воинском уставе – «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей» 1647 г. При переводе на русский язык устава И. Валльгаузена европейские пикинеры были переданы русским словом «копейщики»⁷⁷. Даже исследователи, представляющие конный характер службы копейщиков, путаются в терминах сами и вводят в заблуждение читателей, именуя копейщиков то конными пикинерами, то просто пикинерами⁷⁸. Документальные источники не называют копейщиков пикинерами именно в силу того, что пикинерские пики – «копья долгие списы», или просто «долгие списы» русских документов представляли собой исключительно пехотное оружие.

Основное вооружение копейщиков составляли копья – несколько более мощные и короткие, чем у гусар, пистолеты и сабли. Они также должны были обеспечиваться латами, отличными от гусарских, предположительно рейтарского типа. Хорошо видна однотипность используемых копейщиками и рейтарами лат при разборе в 1679–1680 гг. киевского и Переяславского «цейхгаузов», где оказались латы двух типов: пехотные – солдатские и конные – рейтарские. Все латы по царскому указу надлежало «починить, вычистить и устроить заново», после чего раздать: пехотные – в московские выборные солдатские полки, а «конного строя збрую (рейтарские латы. – А.М.) – в рейтарские полки копейщиком и рейтаром»⁷⁹.

Таким образом, копейщики представляли собой тяжелую конницу, игравшую роль ударной силы на поле боя, предназначеннной для атаки, опрокидывания и прорыва боевых порядков противника. За указанный период известно незначительное количество копейных полков (силой в 500–600 коней), но копейные роты и шквадроны часто формировались или вводились в состав рейтарских, а иногда и драгунских полков, составляя либо первую линию атаки, либо

управления ими⁹². Некоторым новшеством явилось объединение в оном полку не только конницы нового строя (гусар, копейщиков и рейтар) с драгунами, но также и солдат, что в целом продолжало общую тенденцию усиления огневой мощи конницы посредством придания ей пехоты в виде драгун. Так, в мае 1682 г. в Белгороде упоминается полк копейного, рейтарского солдатского строя генерал-майора Якова Бильса⁹³. Однако у этих преобразований обнаружились и существенные минусы: дальнейшая централизация управления армией привела к удлинению цепочки получения служилыми людьми материально-финансового обеспечения. Более четкая система управления стала в то же время и более жесткой. Чтобы не снизилась эффективность армии и управления ею, требовалась реформа фискально-финансовой системы государства с повышением контроля за оборотом и прохождением денежных и материальных средств. Однако все попытки Федора Алексеевича пополнить казну потерпели фиаско. Достаточно успешно казна финансировала лишь нужды Двора, тогда как на армию средств уже не хватало.

Правительство Федора Алексеевича закончило войну с Турцией. В то же время масштабы военных операций русской армии за его краткое царствование не могут быть даже сопоставлены с эпохой его отца. Денег на армию найти так и не смогли. Например, в Сибири сокращение, главным образом по финансовым мотивам, служилых людей нового строя, начавшееся еще в 1667 г., в последней четверти столетия закончилось тем, что с 1681 г. сибирским драгунам вообще перестали выплачивать какое-либо государево жалованье, а в 1689 г. переписали их в беломестные казаки, определив им соляное годовое жалованье и наделив пашенной землей по 15 десятин на человека⁹⁴. Ситуация, исследованная на материале сохранившегося архива Сибирского приказа, полагаем, была схожа с общероссийской. Подтверждением этому явилось стрелецкое восстание 1682 г., одной из важнейших причин которого стала невыплата московским стрельцам жалованья. Примечательно, что и в просмотренных нами расходных книгах Казенного приказа с воцарением Федора Алексеевича существенно меняется состав расходных статей приказа: почти исчезают расходы казны на армию, составляющие весьма весомую часть расходного бюджета приказа. Со второй половины 1670-х и до конца столетия расходы Казенного приказа почти целиком направлены на обеспечение нужд царского двора и его окружения⁹⁵. От служилых по отечеству правительство откупалось массовыми небывающими раздачами дворцовых земель в поместья и вотчины. Крымские походы 1687 и 1689 гг. продемонстрировали возросшую мощь русской армии в целом и русской конницы в частности.

Неприязненное критическое отношение к новшествам регулярной армии и линейной тактики было повсеместным явлением и находило своих сторонников среди военных теоретиков, практиков военного дела, сторонних наблюдателей из числа образованных людей, оставивших нам свои записи. Но их критика уже не могла повлиять на утверждение и распространение новых форм организации вооруженной силы европейских государств.

В XVII в., когда Россия оказалась в мировую европейскую политику, русская армия в условиях тяжелых продолжительных войн и постоянной военной угрозы, прошла путь от сословного войска Московского государства до регулярной императорской армии Петра Великого. Путь этот начался с попыток военных реформ в годы Смуты⁹⁶ и образования при Михаиле Федоровиче при подготовке к Смоленской войне полков нового строя. Первый опыт организации этих полков Алексей Михайлович использовал в ходе военных реформ и строительства армии нового образца. В его войсках солдатские, драгунские и рейтарские полки стали основой армии. Сообразно критериям XVII в., это были вполне регулярные части. Терминологически признание данного факта звучит в словах Петра I, который не считал себя создателем русской регулярной армии, указывая в 1716 г. на своего отца, который еще до него «регулярное войско употреблять начал»⁹⁷. Однако к концу столетия в полной мере свой регулярный характер сохранили лишь элитные московские выборные полки солдатского строя. Сухой итог развитию в XVII в. в России регулярных войск резюмировал князь Долгоруков, отвечая на прямой вопрос Петра I: «... Другое – военные дела. Отец твой многое через оные похвалы удостоился и пользу великому государству принес, тебе устроением регулярных войск путь показал, да по нем несмысленные все его учреждения разорили, что ты, почитай, все вновь делал и в лучшее состояние привел; однако же я много думаю о том, еще не знаю, кого более похвалить, но конец войны твоей прямо нам покажет»⁹⁸.

Примечания

¹ См., напр.: Беляев И.Д. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846. С. 33–35.

² Wallhausen J.J. von. Krigskunst zu Pferdt. Frankfurt a. M., 1616.

³ Малов А.В. Выборные полки солдатского строя. 1656–1671 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 115–210.

⁴ РГАДА, ф. 210, Разрядный приказ. Книги Московского стола, кн. 46, ч. II, л. 1248 об.

⁵ См.: Малов А.В. Первая служба Государева выборного полка Аггея Шепелева: Литовский поход 1658–1660 г. // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2004. № 33. С. 160–173.

⁶ Бобровский П.О. Потешные и начало Преображенского полка (по официальным документам). СПб., 1899; Ставровский Е.Д. Смоленская война 1632–34. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919.

⁷ Чернов А.В. Строительство вооруженных сил русского государства в XVII веке (до Петра): Дис. ... док-ра ист. наук. М., 1949; еже. Образование стрелецкого войска // Исторические записки. Т. 38. М., 1951; Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. (с образования централизованного государства до военных реформ при Петре I). Краткий очерк. М., 1954.

⁸ Марголин С.Л. К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII в. // Моск. обл. пед. ин-т. Ученые записки. Т. 27. 1953. Труды кафедры истории СССР. Вып. 2; Александров В.А. Стрелецкое войско на юге русского государства в XVII в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1947; Рабинович М.Д. Судьбы служилых людей «старых служб» в период формирования регулярной русской армии в начале XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1953 и др.

⁹ Чернов А.В. Указ. дис. Л. 455–487.

¹⁰ См.: Курбатов О.А. Из истории военных реформ в России во 2-й половине XVII века. Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650-х–1660-х гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 86–97, 102–117, 150–154.

¹¹ См., напр.: Козляков В.Н. Михаил Федорович. М., 2004. С. 207.

¹² См.: Малов А.В. Указ. дис. С. 12–53.

¹³ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. С. 136–137.

¹⁴ Из впечатляющего перечня работ, посвященных службе в России подданных британской короны, назову лишь некоторые исследования последних лет: Скобелкин О.В. Ирландская рота на русской службе в последние годы Смуты // Шэмрок. Журнал ирландских исследований. Воронеж, 1997. № 1. С. 77–81; Лебедев А.Л. Служилые иноземцы в России XVII в. (1613–1689 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998 и др.

¹⁵ РГАДА, ф. 396, Архив Оружейной палаты, оп. 2, кн. 303, л. 39–40, 52–52 об.

¹⁶ Там же, ф. 233, Печатный приказ, кн. 56, л. 133 об.

¹⁷ Там же, ф. 210, Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, л. 241–242.

¹⁸ Там же, ф. 396, Архив Оружейной палаты, оп. 1, № 4588, л. 1–2; № 4611, л. 1; Арсеньев Ю.В. К истории Оружейного приказа в XVII веке // Вестник археологии и истории, издаваемый Санкт-Петербургским археологическим институтом. СПб., 1904. Вып. XVI. № 20. С. 160.

¹⁹ Чернов А.В. Указ. дис. Л. 351–352.

²⁰ Реляция о военном походе его царского величества Алексея Михайловича в Литву против польского короля Яна Казимира, 1654 г. // Витебская старина. Т. 4. Отд. II. Витебск, 1888. С. 348.

²¹ Малов А.В. Русско-шведская война 1656–1658 гг. и военное строительство в России // Россия и Швеция в Средневековые и Новое времена: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 135–138.

²² Кучма В.В. Метод парадроуп: феномен военной теории и боевой практики X в. // Византийские очерки. Труды российских ученых к XIX Международному конгрессу византинистов. Посвящается ак. Генадию Григорьевичу Литаврину в честь его 70-летия. М., 1996. С. 130–142.

²³ Кучма В.В. Введение к византийскому трактату «О боевом сопровождении» // Два византийских военных трактата конца X века (Византийская библиотека. Источники): О боевом сопровождении. Об устройстве лагеря. СПб., 2002. С. 37–38.

²⁴ Об этом византийском трактате см.: Кучма В.В. Из истории византийского военного искусства на рубеже IX–X вв.: Подготовка и проведение боя (Византийский временник. Т. 38. С. 94–101.) // Византийская цивилизация в освещении российских ученых. 1947–1991. М., 1999. С. 325–332.

²⁵ Акты служилых землевладельцев. М., 1997. Т. 1. С. 239.

²⁶ Кучма В.В. Военно-теоретическая мысль // Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. М., 1989. С. 288–289; еже. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 326–339.

²⁷ Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. Т. VI. СПб., 1857. С. 256.

²⁸ Oman Ch. A history of the art of war in the sixteenth century. L., 1989. P. 82–88.

²⁹ Горсей Джером. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 70; Бородин А.В. Иноzemцы – ратные люди на службе в Московском государстве. Пг., 1916. С. 5.

³⁰ РГАДА, ф. 210, Разрядный приказ. Книги Московского стола, кн. 40, л. 259–278 об.

³¹ Там же, кн. 45, л. 60 об.

³² Там же, кн. 45, л. 59–59 об.

³³ Там же, кн. 45, л. 59 об.–60 об.

³⁴ Там же, кн. 45, л. 63; кн. 46, ч. I, л. 358 об., 367.

³⁵ Там же, кн. 46, ч. I, л. 583–588.

³⁶ Там же, л. 366 об.

³⁷ Там же, л. 367 об.–368.

³⁸ Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства. 1661–1663 гг. // Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1911. Кн. 3. С. 14.

³⁹ Акты Московского государства, изданные Императорскою Академио наук под редакциою Д.Я. Савокасова (далее – АМГ). Т. III. Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664. СПб., 1901. С. 98–99.

⁴⁰ Там же. С. 175–176.

⁴¹ Записная книга Московского стола, 1662–1663 г. // Русская историческая библиотека, издаваемая Археологическою комиссиою (далее – РИБ). Т. X. Записные книги Московского стола. 1636–1663 г. СПб., 1886. С. 517–518.

⁴² Курбатов О.А. Русско-шведская война 1656–58 гг.: проблемы критики военно-исторических источников // Россия и Швеция в Средневековье и Новое время... С. 151.

⁴³ Там же. С. 157.

⁴⁴ Рабинович М.Д. Полки петровской армии 1698–1725. Краткий справочник. (Труды ГИМ. Вып. 48). М., 1977. С. 81–82.

⁴⁵ С удовольствием выражаю признательность О.А. Курбатову, обратившему мое внимание на этот факт.

⁴⁶ РГАДА, ф. 210. Разрядный приказ. Книги Московского стола, кн. 46, ч. I, л. 357.

⁴⁷ АМГ. Т. III. С. 579.

⁴⁸ См., напр.: Десяти Пензенского края (1669–1696) // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. Стб. 1–104.

⁴⁹ В 1663 г. в Москве числился 31 рейтарский полковник с окладами в 50, 45 и 40 руб. См.: Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 20, 22.

⁵⁰ При формировании в 1632 г. первого рейтарского полка Ш.С. Делиберта рейтары получили на лошадей по 2 руб.

⁵¹ РГАДА, ф. 210, Разрядный приказ. Книги Московского стола, кн. 45, л. 64 об.–65; кн. 46, ч. I, л. 373 об.–374.

⁵² Как любезно сообщил О.А. Курбатов, у рейтар Новгородского разряда уже с 1659 г. вполне достаточно считалось вооружение рейтар огнестрельным оружием и снаряжением к нему.

⁵³ Записная книга Московского стола 1678–1679 г. // РИБ. Т. XI. Записные книги Московского стола. Т. I. 1664–1665 г.; Т. II. 1678–1679 г. СПб., 1889. С. 397.

⁵⁴ Малов А.В. Знамена войск нового строя: символика креста // Цейхгауз. Вып. 16. 2001. № 4. С. 2–7.

⁵⁵ РГАДА, ф. 396, Архив Оружейной палаты, оп. 1, № 9508, л. 1, 3; Яковлев Л. Русские старинные знамена. М., 1865. С. 110, 111; е го же. Рисунки к изданию «Русские старинные знамена». М., 1865. Табл. II. № 20.

⁵⁶ Малов А.В. Знамена войск нового строя... // Цейхгауз. Вып. 15. 2001. № 3. С. 6–10.

⁵⁷ Цвиркун В.И. Гусары в русском войске XVII века // Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С. 69–71.

⁵⁸ РГАДА, ф. 210, Разрядный приказ. Книги Московского стола, кн. 46, ч. II, л. 850–936.

⁵⁹ Там же, кн. 45, л. 349.

⁶⁰ Там же, л. 349–349 об.

⁶¹ Там же, кн. 47, л. 540.

⁶² Там же, л. 540.

⁶³ Там же, л. 541, 543, 543 об.

⁶⁴ Там же, л. 544.

⁶⁵ Там же, л. 542.

⁶⁶ Там же, л. 578.

⁶⁷ Там же, кн. 47, ч. II, л. 1178.

⁶⁸ Там же, л. 1198.

⁶⁹ Там же, кн. 48, л. 1022, 1036, 1040, 1103–1104.

⁷⁰ Там же, л. 991.

⁷¹ Там же, кн. 49, л. 952, 966, 1063.

⁷² Там же, Столбы Московского стола, № 629, л. 577.

⁷³ Курбатов О.А. Из истории военных реформ... Автореферат. С. 16–18.

⁷⁴ Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 10, 15.

⁷⁵ АМГ. Т. 3. № 390. С. 357.

⁷⁶ Cefalii S. Relacja o stanie politycznym i wojskowym Polski przez Sebastiana Cefali sekretarca Jerzego Lubomirskiego / Relacje nuncjuszów apostolskich i innych osób o Polsce. Berlin – Poznań, 1864. T. II. S. 152 (перевод цитируемого фрагмента выполнен А.Б. Плотниковым).

⁷⁷ См.: Ученie и хитрость ратного строения пехотных людей. М., 1647. С. 71–76 и др.; Мышиловский А.З., Париjsкий И.В. Ученie и хитрость ратного строения пехотных людей. 1647 год. СПб., 1904. С. 108–117 и др. Это и ввело в заблуждение некоторых исследователей, принявших копейщиков за пикников: См., напр.: Stevens C.B. Solvency and service status: the economic effects of military reform, 1678–1682 // New Perspectives in Muscovite History. N. Y., 1993. P. 156–173.

⁷⁸ См.: Волков В.А. Война и войска Московского государства. М., 2004. С. 404–405.

⁷⁹ РГАДА, ф. 210, Разрядный приказ. Столбы Московского стола, № 577, ч. I, л. 84.

⁸⁰ Там же, л. 18, 24.

⁸¹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док. Т. II. Ч. I. М., 1957. С. 32, 240–241.

⁸² РГАДА, ф. 210, Разрядный приказ. Столбы Московского стола, № 708, Столпик I, л. 3–4.

⁸³ Там же, № 585, л. 365.

⁸⁴ Там же, л. 365–366, 368.

⁸⁵ Выражаю признательность В.Ф. Новоселову за консультацию по истории французской жандармерии и в целом западноевропейского рыцарства.

⁸⁶ См.: Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 7–8.

⁸⁷ РГАДА, ф. 210, Разрядный приказ. Дополнительные описи, оп. 17, № 125, л. 290–305.

⁸⁸ См.: Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 55–59, 150–153, 245–246, 250, 274, 281, 284, 302, 303, 304, 311.

⁸⁹ Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 7.

⁹⁰ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док. Т. II. Ч. I. С. 10–11, 17.

⁹¹ См.: Флоря Б.Н. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. II. М., 2001. С. 135 и др.

⁹² Чернов А.В. Указ. дис. Л. 1255–1382; Богданов А.П. Федор Алексеевич // Вопросы истории.

⁹³ 1994. № 7. С. 59–77; Демидова Н.Ф. Федор Алексеевич // Демидова Н.Ф., Морозова Л.Е., Пребраженский А.А. Первые Романовы на российском престоле. М., 1996. С. 186–187.

⁹⁴ РГАДА, ф. 210, Разрядный приказ. Столбы Московского стола, № 629, л. 102.

⁹⁵ Чернов А.В. Указ. дис. Л. 485–487.

⁹⁶ Бибиков С. Опыт военной реформы 1609–1610 гг. // ИЗ. Т. 19. М., 1946. С. 3–16; Курбатов О.А.

Наемный корпус Делагарди на службе царя Василия Шуйского. Опыт введения нидерландской военной системы в начале XVII века // Цейхгауз. 2002. № 3. Вып. 19. С. 4–6.

⁹⁷ Акты о высших государственных установлениях. М., Т. I. 1945. С. 51, 52.

⁹⁸ Пользуясь случаем, выражаю благодарность Ю.М. Эскину, обратившему мое внимание на данный документ. Цит. по: Кашина Н.И. Поступки и забавы императора Петра Великого // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. Париж – Москва – Нью-Йорк, 1993. С. 133.

© 2006 г. Ю. П. БОКАРЕВ*

ЕЩЕ РАЗ О ТЕМПАХ РОСТА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ в конце XIX – начале XX века

В статье «Поиск истины в исторических данных» известный историк экономики Пол Грегори утверждает, что в отношении «российского промышленного производства... у нас имеются две оценки, сделанные в ранний советский период: оценки Л. Б. Кафенгауза и Н.Д. Кондратьева (точнее сотрудников Конъюнктурного института Наркомфина, работавших под руководством Я.П. Герчука. – Ю.Б.)¹. Привлекая также исчисления американских исследователей Александра Гершенкрана, Рэймонда Голдсмита и Уоррена Наттера, Грегори констатирует, что «Голдсмит, Кондратьев и Наттер пришли к схожим выводам относительно российского промышленного производства в течение последних 25 лет существования монархии. По их расчетам, годовые темпы роста промышленного производства за этот период находились в промежутке между 5.1% (Голдсмит) и 5.8% (Наттер); этот рост был особенно быстрым в 90-е годы XIX в. и особенно медленным с рубежа веков до 1907 г., а впоследствии опять ускорился перед началом Первой мировой войны»². В то же время «в целом за 26-летний период объем выпуска

* Бокарев Юрий Павлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.